

АЛЕКСЕЙ АНДРЕЕВ

МОНСТРУОЗНЫЙ ТИП
И ДУРИЩА ИЗ ЦКБ

18+

Алексей Андреев

**Монструозный тип
и дурища из ЦКБ**

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Андреев А.

Монструозный тип и дурища из ЦКБ / А. Андреев — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Мы можем знать того, кто нас спас, но знаем ли – почему и зачем? Ответы на эти вопросы должен найти главный герой. Сумеет ли он? И успеет ли? Спасенный миллиардер и его спасительница – кажется, слишком банальное начало для истории. Но это только кажется...

Никто не ожидал, что когда-нибудь этот монструозный тип – так его однажды назвал кто-то из родственников, и название не только прижилось, но и широко вытекло за пределы семьи – вдруг возьмет и очнется. Надеялись, что наоборот – тихо и необременительно преставится. И освободит, наконец, других.

Хотя и так уже было недурственно: лежит себе и лежит в коме который месяц – все считать перестали, быстро привыкнув к хорошему. На содержание тела средства уходили, конечно, немалые: отдельная палата в ЦКБ, аппаратура, круглосуточная сиделка, врачи важные, дорого оценивающие свой труд, – все это стоило. Однако покой, как известно, дороже. Да и не настолько было дорого, чтобы кто-нибудь из большого семейного клана как-то на себе это ощутил. Все равно деньги поступали с какого-то его тайного счета, доступа к которому ни у кого не было. Что так постепенно пропадают, что когда откинется, пропадут в одночасье – разницы никакой. Хотя кое-кого жаба все же душила.

И ведь что обидно – так бы и лежал колодой до неизбежного, если бы не пришла одной медсестричке блажь его поцеловать. И не только. Нанятой сиделке надо было в другую больницу отлучиться – обычную, где муж ее отходил после операции, на которую она бдениями возле типа и зарабатывала, – вот и попросила знакомую из соседнего корпуса часика на четыре ее подменить. А той сидеть просто так было скучно, она сначала в разных шкафчиках покопалась, но ничего интересного там не нашла, музыку послушала из плеера, потанцевала сама с собой мечтательно, чего-то по ходу себе нафантазировала и решила наградить тело долгим и страстным поцелуем. Видимо, сказку про спящую царевну вспомнила – с поправкой на пол. Или про жабу – тоже с поправкой. И наградила – а чего не наградить-то – чистенький весь, недавно помытый и обтертый, благоухающий. Не царевич, правда, и в годах, но все ж и не жаба, а настоящий миллионер. А то и миллиардер – уж в пересчете на рубли точно. И ладно бы лишь этим ограничилась – глядишь, все и обошлось бы, – нет, ее и дальше понесло! Она под покрывало к нему полезла – рукой. Потом вообще его в сторону откинула – в ее-то отделении одно заслуженное старичье обреталось, так что интересно ей стало: особенное там что-то у миллионеров-миллиардеров или ничем не отличается от остальных? Разочарованно вздохнула – отличий никаких не нашлось – и как-то машинально принялась теребить. Любопытно же – отзовется у такого коматозного или нет? Отозвалось. Она начала дурно хихикать, процессом увлеклась и не сразу поняла, что кто-то залез ей под халат и ухватил за худосочную попу. Да не просто ухватил и мнет, а еще приспустил трусы и полез пальцем *туда*. Решила, что и здесь ее тот противный старикашка настиг, который прохода не давал в родном отделении, хватая сухими насекомыми лапками за все подряд со словами: «Цыц, я из органов!»; вздрогнула: если стукнет про сегодняшнее – точно выгонят; вздохнула: что ж теперь – терпеть и не уворачиваться; повернула голову... и вот тут испугалась по-настоящему! Завизжала, выскочила из палаты... ну, дальнейшее понятно.

Прибежавший на ор врач обнаружил пациента вполне жизнедеятельным. Даже слишком – учитывая его долгое бессознательное лежание. Потому как первое, что он при виде врача произнес, было: «Ну чего, халат, вылутился? Тащи сигары, пузырь вискаря хорошего, закусон с запивоном сообрази и пусть девка вернется – не обижу». В общем, тут же взялся за старое. Будто не между жизнью и смертью находился долгое время, с уклоном в последнюю, а только вышел из санатория. Отдохнув и набравшись сил.

И главное, так он это убедительно сказал – пусть еще и не совсем членораздельно, что врач ринулся исполнять! И, лишь удалившись от палаты на приличное расстояние, вдруг опомнился: а куда это я, собственно?!

Но медсестричку все же пришлось вернуть – после всех обследований. Договорившись с ее непосредственным руководством. Потому что в противном случае оживший пациент пообещал рассовать в задние проходы руководства их отделения всю медицинскую аппаратуру, что имела в палате, присовокупив к ней еще и фикусы из коридора. Невзирая на возраст, пол,

должность, заслуги, государственные награды и научные звания. А аппаратуры там было много – большой и угловатой. Так что и без фикусов звучало весомо. И обследования показали – уже может, сил достаточно. Ну а что слов он на ветер не бросает, особенно угрожающих, – это как-то и так было понятно, само собой. Других сюда с такой помпой не привозили.

Оповещенные о радостном событии родственники – а у каждого здесь был свой информатор, так что весть до всей заинтересованной родни – актуальной и бывшей – долетела практически одновременно, – сначала сами чуть не впали в кому, во всяком случае, в первые мгновения испытали нечто близкое, а затем стали материться и пить успокаивающее. Каждый свое: с градусами и без. И лишь после этого те, кого весть настигла в столице и неподалеку, собравшись с духом и примерив перед зеркалом счастливые улыбочки, заторопились на поклон к воскресшему – убедиться лично и, если правда, если никакой ошибки, черт бы его драл, не произошло, всячески свое почтение засвидетельствовать.

Здесь их ждала еще парочка разочарований – все оказалось правдой, и оживший велел никого из родни к себе не пускать. Сказав дословно: «Гоните их взащей, дармоедов!» Что показывало – ожил не только телесно, но и мозги на место вернулись вместе с дурным характером.

Пробиться удалось лишь нынешней – и то не сразу, через скандал. Провожали ее остальные с почти нескрываемой завистью, а зря – визит оказался очень коротким, минуты на полторы. Из которых большая часть ушла на заход в палату тренированным модельным шагом и аналогичный, в ускоренном темпе и под нецензурный аккомпанемент, уход. Зав. отделением и лечащий предусмотрительно остались в коридоре – похоже, отвратительный нрав типа они уже знали лучше, чем она, успевающая расслабиться и малость его подзабыть.

Дверь за ней закрылась мягко, как театральный занавес, отсекая от сцены, на которой так и не удалось ничего сыграть. Сделав по инерции еще несколько шагов, нынешняя остановилась, повернулась к врачам и, с трудом сдерживаясь, чтобы не заорать – в палате все было бы слышно, – прошипела:

– Кто... там... эта?!

– Сиделка... новая, – ответила зав. отделением, а лечащий добавил: – Он при ней как раз из комы вышел.

Последнее лишь усугубило ярость несостоявшейся вдовы.

– Убрать немедленно!

– Не можем... – Лица докторов выразили максимум сожаления. – Он против... категорически. А желание пациента...

– Желание? Желание?! Да у него только одно... – Она осеклась и одарила их таким испепеляющим взглядом, что они поневоле скосили вниз глаза – не прожгла ли халаты.

В следующий момент их, как кегли в боулинге, смело и разметало по сторонам.

– Да, намаемся мы, – прошептала зав. отделением, потирая плечо и глядя вслед удаляющейся фурии.

Лечащий молча кивнул – он это понял давно. Еще когда привезли этого коматозного и вслед ломанулись многочисленные родственники, выпрашивая, фальшиво сокрушаясь и вдруг костенея, когда им говорили, что случай небезнадежный и надежда есть. Очередной рублевский клоповник, сколько их уже было...

А сиделка, тем временем, раскрыв рот, смотрела на дверь – таких холеных и уверенных в себе дам она видела лишь в глянцевых журналах, щедро оставляемых пациентками при выписке. На мужскую руку, продолжавшую по-хозяйски мять и тискать ее бедро, она не реагировала – то ли не замечала, то ли уже привыкла...

На следующий день нынешняя знала о сиделке практически все: двадцать один год, живет в Одинцове с бабкой и восьмилетним братом на первом этаже двушки в хрущобе, отца нет давно, мать умерла в прошлом году, в ЦКБ устроилась недавно, до этого трудилась в больнице

под Звенигородом, за душой ничего не имеет, кроме двух абортот – первый точно от одноклассника, второй неизвестно от кого. Опасаться, вроде, было нечего. Кроме одного – оживший ее от себя ни на секунду не отпускал. Даже в туалет она ходила там же, в палате. И еду ей туда носили, и душем она там пользовалась, и уже поставили рядом с кроватью для нее кресло, чтоб не на стуле дремала... Последнее известие вызвало у нынешней саркастический смех – ага, как же, в кресле, а то она не знает этого кобеля. Ну ничего, скоро новая игрушка ему надоеет и тогда посмотрим...

И точно – через неделю тип на «игрушку» глядел с отвращением. Раздражало в ней все – и постоянная жвачка, вынимаемая изо рта лишь во время еды, и то не всегда, и наушники в ушах, и доносящееся из них монотонно-нервическое «бум-бум-бум», и то, что она несла, когда раскрывала рот... даже лапать ее было уже противно – сидит с тусклой рожей, никакой реакции... Других желаний и подавно не возникало – все равно что с куклой резиновой... Ну полная дурища! А больше всего раздражало то, что она вообще есть, все время торчит рядом, а он, получается, теперь от нее зависит, не может к чертовой матери выгнать!.. Наоборот, еще должен за это платить: и больнице, и ей – за переработку. Это он-то, который все сделал для того, чтобы ни от кого не зависеть и платить лишь тогда, когда сам захочет. И на тебе!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.